

УДК 811.11-112

Аверина А. В.

Московский государственный областной педагогический университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ЧАСТЕЙ РЕЧИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ С ПОЗИЦИИ ВНУТРЕННЕЙ ПЕРСПЕКТИВЫ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

АННОТАЦИЯ

Цель. Представить концепцию уровневой организации системы частей речи и предложить их интерпретацию с позиции внутренней перспективы говорящего.

Процедура и методы. Использовались общенаучные методы анализа и синтеза, а также лингвистические методы контекстуального и трансформационного анализа.

Результаты. В работе изложена концепция уровневого построения системы частей речи. Раскрыты факторы, влияющие на переходы слов из одной части речи в другую. Показано, что внутренняя перспектива находит реализацию в частях речи в форме представления явлений и объектов окружающей действительности, в системе грамматических категорий и в дейктичности.

Теоретическая и практическая значимость. Публикация вносит определённый вклад в развитие концепции частеречной дифференциации слов и критериев их разграничения. Полученные результаты могут быть использованы в процессе изучения курсов «Общее языкознание» и «Сравнительная типология немецкого и русского языков».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

части речи, дейктичность, грамматикализация, прагматикализация, уровень предложения, уровень текста

СТРУКТУРА

Введение

Принципы организации слов в системе частей речи. Существующие подходы к дифференциации частей речи. Части речи как отражение внутренней перспективы

Первый уровень системы: знаменательные части речи

Второй уровень системы: части речи в структуре предложения

Третий уровень системы: части речи в структуре текста

Заключение

A. Averina

Moscow Region State Pedagogical University
ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

PRINCIPLES OF THE ORGANIZATION OF THE SYSTEM OF PARTS OF SPEECH AND THEIR INTERPRETATION FROM AN INTERNAL PERSPECTIVE (BASED ON THE MATERIAL OF GERMAN AND RUSSIAN)

ABSTRACT

Aim. To introduce the concept of the level organization of the parts of speech system and to offer their interpretation from the speaker's internal perspective.

Methodology. General scientific methods of analysis and synthesis, as well as linguistic methods of contextual and transformational analysis were used in this work.

Results. The paper presents the concept of a level-based construction of the parts of speech system. The factors influencing the transitions of words from one part of speech to another are revealed. It is shown that the internal perspective finds its realization in parts of speech in the form of representation of phenomena and objects of the surrounding reality, as well as in the system of grammatical categories and in deicticity.

Research implications. The study makes a certain contribution to the development of the concept of partial differentiation of words and criteria for their differentiation. The results obtained can be used in such academic courses as "General linguistics" and "Comparative typology of German and Russian languages".

KEYWORDS

parts of speech, deicticity, grammaticalization, pragmatization, sentence level, text level

ВВЕДЕНИЕ

В центре внимания данной публикации – уровневая организация частей речи и варианты реализации в этой системе внутренней перспективы говорящего. Как известно, такие вопросы, как состав частей речи и принципы их выделения в языках различного строя, относятся к сложным и дискуссионным: традиционные критерии (семантический, морфологический и синтаксический) не всегда могут дать объяснение перехода слов из одной части речи в другую, сложности возникают при формулировке обобщённого значения каждого класса, а дифференциация служебных слов зачастую затруднена. Следует учесть и исследования последних лет, посвящённые анализу коннекторов, маркеров хеджирования и дискурсивных слов. В роли коннекторов и дискурсивных слов могут выступать и союзы, и частицы, и модальные слова. В этой связи возникает вопрос о соотношении таких феноменов, как *коннектор*, *частица*, *союз*, *модальное слово*, *дискурсивное слово*, *модальная частица*, *дискурсивная частица*. Необходимость решения обозначенных проблем объясняет актуальность данной публикации.

В качестве теоретической базы послужили работы В. В. Виноградова [2], В. Г. Адмони [1; 11], О. И. Москальской [22], А. Ф. Лосева [5] и других исследователей. Исходным постулатом явилось наблюдение В. В. Виноградова [2], что целесообразно выделять в системе категорий слов собственно части речи и части речи в структуре предложения. Эта концепция послужила отправной точкой построения уровневой системы частей речи. Ряд существенных вопросов объясняет исследование Э. Лайсс [21], в котором показано соотношение между одноплановыми и многоплановыми дейктиками и грамматикализацией модальных маркеров. Схожие наблюдения имеют место в работе В. Абрахама [9]: в ней модальные частицы немецкого языка представлены как трёхплановые дейктики. В данной статье учитываются наблюдения отечественного философа и лингвиста А. Ф. Лосева, что части речи отражают интерпретацию говорящим явлений окружающей действительности [5]. Автор публикации исходит из того, что дифференциация частей речи должна осуществляться не только с логической, но и с коммуникативной точек зрения. Значимы исследования о грамматикализации [13] и прагматикализации [23] элементов языковой системы, о соотношении грамматикализации и дейктичности [17].

Цель публикации – представить концепцию уровневой организации системы частей речи и предложить их интерпретацию с позиции внутренней перспективы говорящего. Задачи исследования состоят в следующем: (1) сделать обзор существующих концепций распределения слов по частям речи; (2) представить и обосновать целесообразность уровневого представления системы частей речи; (3) проанализировать вопрос, каким образом в системе частей речи находит свою реализацию перспектива говорящего; (4) затронуть вопрос о критериях дифференциации слов по частям речи на каждом уровне.

Теоретическая значимость публикации определяется тем, что она вносит определённый вклад в развитие концепции частеречной дифференциации слов и критериев их разграничения. Практическая значимость заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в процессе изучения курсов «Общее языкознание» и «Сравнительная типология немецкого и русского языков». Для демонстрации были использованы примеры из Национального корпуса русского языка и из немецкого корпуса DWDS. Проведение исследования стало возможным благодаря использованию общенаучных методов анализа и синтеза, методов контекстуального и трансформационного анализа.

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ СЛОВ В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ.
СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПОДХОДЫ К ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ.
ЧАСТИ РЕЧИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ВНУТРЕННЕЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

В. В. Виноградов осуществляет дифференциацию слов по частям речи с учётом следующих параметров: 1) различий тех синтаксических функций, которые выполняют разные категории слов в связной речи, в структуре предложения; 2) различий морфологического строя слов и форм слов; 3) различий вещественных (лексических) значений слов; 4) различий в способе отражения действительности; 5) различий в природе тех соотносительных и соподчинённых грамматических категорий, которые связаны с той или иной частью речи [2, с. 41, 42]. Особенность концепции В. В. Виноградова заключается в том, что он пишет о «категориях слов», включающих в себя 1) части речи, 2) модальные слова, 3) междометия и 4) систему частей речи в структуре предложения. К частям речи относятся: I. Имена: существительное, прилагательное и числительное; II. Местоимения; III. Глагол; IV. Наречие; V. Категория состояния. К системе частей речи в структуре предложения В. В. Виноградов относит: 1) Частицы в собственном смысле; 2) Частицы-связки; 3) Предлоги; 4) Союзы [2].

Предложенная В. В. Виноградовым дифференциация слов учитывает и лексическое значение слова, и его функциональное назначение в предложении, и различия в морфологии. Ценно его замечание, что *«в живом языке ... нет идеальной системы с однообразными, резкими и глубокими гранями между разными типами слов. Грамматические факты двигаются и переходят из одной категории в другую, нередко разными сторонами своими при-мыкая к разным категориям»* [2, с. 44, 45]. Действительно, в системе частей речи можно наблюдать явления переходности. Переходность может иметь место не только среди знаменательных частей речи: хорошо известны случаи использования междометий в функции существительного, возможна и субстантивация предлогов:

(1) Особенно мучили меня **аху** и **охи**: «Вы знали **Н!**»¹;

(2) Рыбачка, вы как никто меня поняли, именно перечислив все эти **НО**².

Несомненным достоинством концепции В. В. Виноградова можно считать выявление системы частей речи в структуре предложения. Служебные части речи функционируют на уровне предложения и текста, выполняя связующую функцию и участвуя в выражении субъективной оценки ситуации говорящим. Критерии частей речи, предложенные В. В. Виноградовым, учитываются и авторами Русской грамматики. Отличия прослеживаются лишь в наборе частей речи: В. В. Виноградов выделяет в отдельную часть речи мо-

¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.11.2022).

² Там же.

дальные слова и слова категории состояния, в то время как в Русской грамматике выделяют имя существительное, местоимение, имя прилагательное, имя числительное, наречие, глагол, предлог, союз, частицу, междометие [7, с. 445].

В немецких грамматиках дифференциация частей речи осуществляется по схожим критериям, хотя их набор различен у разных авторов. В грамматике Г. Хельбига и Й. Буша базовый принцип дифференциации слов по частям речи – синтаксический, поскольку, по мнению авторов, именно по дистрибутивному окружению можно однозначно судить о принадлежности слова к какой-либо части речи. Так, в высказывании (a) *Der ... arbeitet fleißig* в роли пропуска однозначно должно выступать имя существительное, а в предложении (b) *Der Schüler ... fleißig* – глагол. Дистрибуция позволяет судить о принадлежности слова к той или иной части речи в немецком языке, поскольку порядок слов в нём фиксирован [14, р. 19, 20].

В отечественной германистике на дифференциацию слов по частям речи оказали влияние взгляды русистов. О. И. Москальская рассматривает вслед за В. В. Виноградовым три критерия разделения слов по частям речи: (a) обобщённое значение класса слов; (б) синтаксическую функцию слова; (в) морфологические особенности (изменяемость / неизменяемость). Она выделяет:

I. Самостоятельные части речи:

1. номинативные (существительное, прилагательное, глагол, наречие);
2. указывающие (местоимение);
3. служащие для подсчётов (числительное);

II. Служебные части речи:

1. с синтаксической функцией (предлог, союз, связка, частица);
2. с морфологической функцией (артиклъ и вспомогательный глагол);

III. Модальные слова;

IV. Междометия [22].

Как видно из приведённой классификации, О. И. Москальская, как и В. В. Виноградов, не относит модальные слова и междометия ни к знаменательным, ни к служебным частям речи, а местоимения и числительные обладают особым статусом.

Аналогичные критерии разграничения предлагает и В. Г. Адмони. В его грамматике выделено 13 частей речи: имя существительное, имя прилагательное, числительное, местоимение, отрицание, глагол, наречие, модальное слово, артиклъ, предлог, союз, частица и междометие. Некоторые классы слов (например, предлог, союз) являются служебными, другие относятся к знаменательным частям речи [1, с. 72, 73]. Особого внимания заслуживает идея В. Г. Адмони [11] о полевой организации частей речи. Суть её в том, что

специфика слов или словоформ не может быть исчерпана каким-то одним признаком – она должна базироваться на совокупности признаков, распределение которых не может осуществляться равномерно по всем классам слов или словоформ. Именно поэтому полевую структуру целесообразно рассматривать в качестве организующего звена передаваемых словами грамматических признаков. В любом языке наличествуют типы слов, имеющие определённый набор грамматических признаков, наряду с теми словами, у которых эти признаки выражены в меньшей степени. Таким образом, лексико-грамматические классы слов с характерным для них набором признаков образуют центр поля – их и рассматривают в грамматике как части речи. Некоторые словоформы могут принадлежать сразу к двум и более классам слов (например, краткая форма прилагательного в немецком языке или числительные) [11, р. 311, 312].

Полевой подход может объяснить способность числительных выступать в ролях различных частей речи (*первый, миллион, пятёрка, два*), однако сложности остаются при попытке сформулировать общую семантическую базу для таких разнородных слов, как *миллион, сон, белизна, пение, стол* и т. д. Речь идёт, например, о количестве (*миллион*), процессе (*сон*), свойстве (*белизна*), действии (*пение*) и предмете (*стол*), хотя все перечисленные слова обладают категориями рода, падежа и числа и выполняют схожую синтаксическую функцию. Переходы слов из одной части речи в другую и полевою структуру частей речи можно объяснить тем, что в коммуникативной ситуации находит реализацию перспектива говорящего. Именно с данных позиций трактуют части речи А. Ф. Лосев [5] и Э. Лайсс [20; 21].

А. Ф. Лосев отмечает, что грамматические категории должны быть понимаемы с коммуникативной точки зрения. Акт общения должен отличаться от логических актов: *«Переходным звеном от абстрактного логического акта к акту коммуникативному является выбор из логической структуры тех её элементов, которые предназначаются для сообщения одним сознанием другому сознанию»* [5, с. 311].

Коммуникативная сфера использования языка резко отличается от абстрактно-логической мыслимости предметов. Чтобы сообщить нечто из воспринимаемого предмета другому сознанию, надо *«взять предмет с той стороны, которая нужна для сообщения»* [там же]. Акт понимания отличается от акта мышления: если мышление стремится дать мыслительную формулу предмета, акт понимания имеет своей целью *«понять этот предмет и ... сообщить его другому сознанию»*. Соответственно, акт понимания – это интерпретация предмета. Данная трактовка может объяснить, например, способность временных форм настоящего времени указывать на прошедшее и наоборот (3). *Иду я вчера по улице и вижу – народ будто стоит, скопив-*

шись подле ворот. (М. М. Зощенко)³; (4) *Господи, боже мой! пропал я, пропал совсем.* (Н. В. Гоголь)⁴). А. Ф. Лосев делает вывод, что «любая грамматическая форма, вообще говоря, в предметном смысле может иметь любое значение» [5, с. 315]. Соответственно, когда мы говорим о частях речи, то должны иметь в виду, что любая часть речи может выражать «любые категории и любые предметы и их субстанции, и качества, и количества, и действия, и страдания, и состояния, и отношения» [там же, с. 316]. Так, «хождение» и «ходить» отличаются между собой не предметно и не логически, а как «акты понимания одного и того же явления». Количество можно понимать как субстанцию («единица», «двойка»), как качество («первый», «третий») и как образ действия («вдвойне», «втройне»). Таким образом, любая часть речи представлена «двумя нераздельными актами, из которых один есть акт предметной направленности, а другой есть акт выбора из этого фиксируемого предмета тех его элементов, которые направляются одним сознанием для сообщения другому сознанию» [там же, с. 317].

Э. Лайсс выстраивает свою концепцию на постулатах схоластов Средневековья – модистов. Функция грамматики может быть определена через модусы (способы) обозначения. Так, например, местоимения служат не для отражения действительности, а для представления действительности через позицию говорящего [21, р. 70]. Перспектива говорящего находит свою реализацию в системе грамматических категорий знаменательных слов – таких как, например, имя существительное или глагол.

Таким образом, части речи целесообразно рассматривать и как отражение логических категорий, и как интерпретацию ситуации говорящим. Знаменательные части речи, способные выполнять номинативную функцию, отражают видение говорящим явлений окружающего мира и интерпретируют их с его позиции. Они образуют первый базовый уровень системы. Второй уровень системы частей речи – части речи в структуре предложения, генетически восходящие к знаменательным частям речи. Специфика этих классов слов состоит в неизменяемости и наличии обобщённого грамматического значения. Функциональное назначение слов данного уровня – интерпретация говорящим смысловых связей между событиями / явлениями / фактами и оценка ситуации с позиции реальности / ирреальности, возможности и т. д. Аналогичные функции выполняют части речи в структуре текста. Общая для всех уровней закономерность заключается в следующем: принадлежность слова к конкретной части речи определяют коммуникативная ситуация и перспектива говорящего. Так, немецкое слово *laufen* может быть глаголом, а может переходить в разряд существительных (*das Laufen*); *denn* может быть

³ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.11.2022).

⁴ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.11.2022).

и союзом, и модальной частицей, и дискурсивным словом. Остановимся на более подробном описании соотношения логического и интерпретативного компонентов в системе частей речи для каждого отдельного уровня, а также на формах проявления внутренней перспективы говорящего.

ПЕРВЫЙ УРОВЕНЬ СИСТЕМЫ: ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

К знаменательным частям речи относятся имена существительные, прилагательные, глаголы, местоимения и наречия. В русской грамматике имя существительное получает определение как «часть речи, обозначающая предмет (субстанцию) и выражающая это значение в словоизменительных категориях числа и падежа и в несловоизменительной категории рода» [7, с. 458]. В немецких грамматиках имени существительному приписывается основное вещественное значение [1, с. 92]; оно рассматривается как предмет общения [15, р. 133] и ему свойственно наличие одного из параметров: конкретности или абстрактности, одушевлённости или неодушевлённости, принадлежности к именам собственным или нарицательным. Глагол авторы русской грамматики интерпретируют как часть речи, обозначающую процесс и выражающую это значение в категориях вида, залога, наклонения, времени и лица [7, с. 580]. Е. Хенчель и Х. Вайдт [15, р. 32] трактуют глагол как часть речи, обозначающую действия и время («Zeitwörter», «Tätigkeitswörter»). В трактовке имени прилагательного авторы русской грамматики выдвигают на первый план непроцессуальный признак предмета, который находит выражение в морфологических категориях рода, числа и падежа [7, с. 538]. В немецких грамматиках указывается на способность прилагательного передавать качества / свойства предмета [15, р. 178], а само по себе прилагательное служит прежде всего для более точного определения имени существительного [1, с. 143]. Перечисленные трактовки характеризуют глагол, существительное и прилагательное с логической точки зрения как обозначения предметов, действий и признаков и раскрывают свойственные им грамматические категории. Представим эти части речи и их категории с позиции внутренней перспективы.

Согласно концепции А. Ф. Лосева [5] имя существительное – это не предмет и не лицо, а представление явлений действительности (действий, предметов, качеств) как субстанции (*бег, прыжки, хождение, синева, дом*)⁵. Глагол – интерпретация какого-либо явления как действия или как состояния (*прыгать, утраивать, ждать, воспринимать*), а имя прилагательное – как свойства (*оголтелый, быстрый*). В свою очередь, имена существительные и глаголы могут быть тоже разделены на классы, и в этой дифференциации, как отмечает Э. Лайсс [20], находит отражение видение говорящим предме-

⁵ Схожие наблюдения см. [3].

та или действия. Исчисляемость / неисчисляемость для существительных и предельность / неопредельность для глаголов – это и есть различные модусы обозначения, т. е. разное представление о вещи и видение предмета [20, р. 68]. Выбор нужной формы определяет перспектива: благодаря ей видно, воспринимается ли происходящее (предмет или событие) как нечто целостное (внешняя перспектива) или нет (внутренняя перспектива). Так, предельные глаголы кодируют в своей семантике внешнюю перспективу, а неопредельные – внутреннюю перспективу; аналогично и имена существительные могут быть исчисляемыми (внешняя перспектива) и неисчисляемыми (внутренняя перспектива). Обе перспективы базируются на характеристике позиции говорящего: внешняя перспектива отражает событие без привязки к наблюдателю, в то время как при характеристике действия с позиции внутренней перспективы говорящий / наблюдатель находится как бы в центре событий [там же].

В традиционной грамматике наречия трактуются как часть речи, обозначающая «*непроцессуальный признак действия, предмета или другого непроцессуального признака – качества либо свойства*» [7, с. 701], основное содержание класса наречий – признак [1, с. 207] или обстоятельство, при котором находит реализацию определённое действие [15, р. 235]. Местоимения В. Г. Адмони относит к частям речи, входящим в группу существительного: их отличительное свойство заключается в том, что они связаны с речевым актом [1, с. 152], указывая на обозначаемые объекты [15, р. 214]. В системе местоимений и наречий внутренняя перспектива проявляется в дейктичности: они участвуют в реализации темпорального (*завтра, сегодня*), локального (*здесь*), персонального (*я, ты*) и предметного (*он, она, оно*) дейксиса, интерпретация которого может находить реализацию только в конкретной ситуации. Именно с позиции говорящего можно ответить на вопросы, какой именно объект обозначен местоимениями *он, она, оно* и о какой временной точке может идти речь, если использовано наречие *здесь*.

Таким образом, базовый ярус системы частей речи, способных выполнять номинативную функцию, образован существительными, прилагательными, глаголами, наречиями и местоимениями. Внутренняя перспектива, находящая реализацию в определённой коммуникативной ситуации, определяет выбор знаменательной части речи (*das Blau – blau, das Springen – springen, du – Max, das Jetzt – jetzt*), соответствующей грамматической формы (*der Stein – das Gestein; прыгал – прыгнул*) или влияет на способ представления действительности через позицию говорящего (*Sie – du, ты – Вы*).

ВТОРОЙ УРОВЕНЬ СИСТЕМЫ: ЧАСТИ РЕЧИ В СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Части речи в структуре предложения – это грамматикализованные языковые единицы. Их отличие от знаменательных частей речи состоит в том,

что они не называют, а передают обобщённое грамматическое значение, соединяя слова в предложении. Части речи в структуре предложения обладают различной степенью грамматикализации, что, в свою очередь, влияет на их синтаксические свойства, что было рассмотрено ранее в одной из работ автора [12].

Языковой маркер постепенно проходит ступени грамматикализации, переходя от лексических элементов к грамматическим. К параметрам грамматикализации причисляют, как правило, следующие: (1) потерю семантического и структурного веса языковой единицы; (2) когезию, т. е. связь языкового элемента с другими; (3) вариативность: грамматикализированный элемент сложно заменить другим, в отличие от лексического [19]. Таким образом, грамматикализированные показатели приобретают способность выполнять абстрактную грамматическую функцию [17, р. 99]. Классическим примером грамматикализации может служить форма *Präteritum* в немецком языке, образованная от слабых глаголов: суффикс *-te* восходит к германскому полнозначному глаголу **dōn* 'tun', образованному от индоевропейского корня **dʰē* ('сажать'). Ввиду того, что глагол *tun* обозначает неспецифическое действие (в отличие от глаголов типа *malen*), стала возможной его грамматикализация. В английском языке в этой роли выступает вспомогательный глагол *do*, необходимый для образования вопросительных и отрицательных предложений в различных временных формах: *He doesn't / didn't sleep well* [24, р. 112, 113].

Служебные слова производны от знаменательных. Так, анализируя немецкие предлоги, М. Л. Котин отмечает, что, как правило, они происходят от локальных показателей, хотя темпоральные и каузальные слова как исходные при этом не исключены. Так, например, предлог *statt* берёт свое начало от корня имён существительных *Stadt / Städte*, в русском языке аналогичную ситуацию можно проследить с предлогом *вместо*. Союзы, в отличие от предлогов, берут своё начало от темпоральных наречий [17, р. 203].

Частицы немецкого и русского языков также происходят от полнозначных слов: от глаголов (*ведать* → *ведь*, *пускать* → *пускай*), наречий (*просто*, *прямо*, *dann* → *denn*), местоимений (*то (указат. мест.)* → *вот, doch*) и т. д.

Обобщённость грамматического значения объясняет, почему служебные слова могут выполнять несколько функций. Так, например, союз *und* в немецком языке может выступать не только как аддитивный коннектор, соединяя части предложения или однородные члены, но и как показатель следственных (5), временных (6) или уступительных (7) отношений – его полноценная интерпретация возможна только с учётом контекста:

(5) *Wir sind zum Beispiel stark in der Automobilindustrie **und** können jetzt gezielter investieren*⁶ (= *Wir sind stark in der Automobilindustrie, folglich können wir jetzt gezielter investieren*).

(6) *Dann wischt sie sich die Tränen aus dem Gesicht **und** verabschiedet sich*⁷ (= *Sie wischt sich die Tränen, dann verabschiedet sie sich*).

(7) *Das ist gut zehn Jahre her, **und** wir leiden noch immer darunter*.⁸ (= *Obwohl das schon zehn Jahre her ist, leiden wir schon immer darunter*)

Аналогичную ситуацию можно проследить и в случае использования других союзов [18], данное свойство присуще и союзам русского языка.

Многофункциональность прослеживается и в случае употребления модальных частиц немецкого и русского языков: они не только выражают отношение говорящего к происходящему, но и могут выступать одновременно как связующие элементы, участвуя в создании каузальных (8) или адверсативных (9) отношений между частями предложения, или переходят из разряда модальных (10) в разряд фокусных (11):

(8) *Но мой дом сносить нельзя, – убедительно сказал Алексей Тихонович. – Он **же** новый, он недостроенный даже!*⁹.

(9) *He успел я просидеть дома и пяти минут, а вслед за этим начался такой ливень, что через 15 минут по дорогам потекли реки, а везде сверкали лужи. Я **же** в это время писал дневник...*¹⁰.

(10) *300 Millionen – das ist **ja** nicht nur einfach eine Zahl!*¹¹.

(11) *Stattdessen Heiterkeit, Freundlichkeit, **ja** Zärtlichkeit!*¹².

Служебные части речи как грамматикализованные элементы незаметны при построении высказывания. Дифференциация служебных частей речи может осуществляться по способу интерпретации смысловых связей между событиями, как это можно было проследить на примерах (5)–(11), и по дейктичности (одноплановая / многоплановая). Не все служебные слова дейктичны, а само по себе проявление дейктичных свойств осуществляется не в равной мере. Так, союзы и предлоги могут обладать, а могут и не обладать дейктичными свойствами (например, предлоги типа *возле, перед* (рус.), *vor, hinter* (нем.) дейктичны, маркируя локальный дейксис; дейктичны союзы типа *nachdem* и *bevor*, но вряд ли можно говорить о дейктичности союза *oder*). Дейктичны модальные слова и модальные частицы (о модальном дейксисе

⁶ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.11.2022).

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.11.2022).

¹⁰ Там же.

¹¹ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.11.2022).

¹² Там же.

см. [13]). Степень проявления дейктичных свойств и синтаксической связанности служебных слов различна. Модальные слова немецкого и русского языков обладают меньшей степенью грамматикализованности и, соответственно, большей степенью синтаксической свободы. Сравним следующие высказывания:

(12) **Наверное**, вам нужны гладиолусы¹³;

(12') Вам, **наверное**, нужны гладиолусы;

(12'') Вам нужны гладиолусы, **наверное**.

В (12) модальное слово *наверное* занимает позицию в начале предложения, в (12') – в середине, в (12'') – в конце предложения. Схожая, но не полностью идентичная ситуация имеет место в немецком языке, сравним:

(13) **Vielleicht** hat er recht¹⁴;

(13') Er hat **vielleicht** recht;

Позиция модального показателя *vielleicht* на последнем месте невозможна ввиду того, что эпистемические маркеры занимают позицию в верхней части среднего поля немецкого предложения (подробнее о позиции см. [10]).

Поскольку модальные слова могут быть истолкованы вне контекста (*vermutlich, wahrscheinlich, vielleicht* и т. д. (нем.) и *возможно, наверное, вероятно* и т. д. (рус.)), их можно рассматривать как языковые единицы, обладающие слабой степенью грамматикализованности [13]. Э. Лайсс трактует их как лексические показатели с одноплановой дейктичностью [21]: они выражают либо эпистемичность, как в (12) и (13), либо только эвиденциальность, как в (14) и (15):

(14) **Angeblich** macht sie die besten Pönnukökur der ganzen Insel¹⁵;

(15) **Очевидно**, что острота проблемы учёта маятниковых перемещений будет увеличиваться¹⁶.

По всей видимости, именно это обстоятельство и объясняет возможности перехода модальных слов в разряд прилагательных (*очевидные доказательства* (рус.), *der angebliche Täter* (нем.)) и частиц. Так, модальное слово *vielleicht* в немецком языке может приобретать свойства частицы, теряя значение предположения и меняя интенцию говорящего, например:

(16) „Du bist mir **vielleicht** ein Bayern-Fan!“ grummelt Rahel dann¹⁷ –

¹³ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.11.2022).

¹⁴ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.11.2022).

¹⁵ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.11.2022).

¹⁶ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.11.2022).

¹⁷ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.11.2022).

«Нашёлся мне ещё баварский фанат! – заворчал Рахель (перевод автора).

Обязательным условием при этом является интонирование личной формы глагола. На данном примере можно проследить синтаксическую связанность слова *vielleicht*: в роли частицы оно выступает только в среднем поле предложения, следуя за ударной финитной формой глагола и словом *mir* в функции частицы.

Аналогичную ситуацию можно проследить и в русском языке. Так, слово *конечно* в комбинации с *да* и *уж* теряет своё прямое лексическое значение и выступает в функции частицы, а само высказывание приобретает противоположный оттенок – сомнение:

(17) – Да уж **конечно**, ага, – скептически сморщилась Орли¹⁸.

Большая синтаксическая связанность характерна для двуплановых и трёхплановых дейктиков. К двуплановым дейктикам в русском языке можно отнести модальные частицы *мол*, *дескать*, *якобы*. Как правило, они занимают позицию после указания на источник сообщаемой информации и перед той новой информацией, которая сообщается. В высказываниях такого рода находят реализацию (1) указание на источник информации и (2) сомнение говорящего в истинности сообщаемой информации, сравним:

(18) Но, к сожалению, сейчас при упоминании его имени многие делают ироничную улыбку... **мол**, какой он режиссер...¹⁹;

(19) По его словам, накопительная система не решает проблемы, потому что значительную часть средств предлагается в обязательном порядке вкладывать в государственные ценные бумаги – **якобы** для того, чтобы обеспечить гарантии²⁰.

Аналогичную функцию в немецком языке выполняют глаголы *wollen* / *sollen* во вторичном значении, на основании чего можно говорить о целесообразности их причисления к служебным словам, например:

(20) Bei heise.de gibt es ein Bericht darüber, dass eine Computerfirma GEZ-Mitarbeiter bestochen haben **soll**²¹.

Для русского и немецкого языков характерно наличие частиц, которым свойственна интерсубъективность, т. е. скрытая апелляция к собеседнику и попытка скорректировать его позицию. На этом основании слова такого рода в немецком языке В. Абрахам совершенно справедливо трактует как трёхплановые дейктики [9], сравним:

¹⁸ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.11.2022).

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.11.2022).

(21) А он вдруг как-то странно вздрогнул, даже не спросив, какого, и говорит: «Но он **же** денег не берёт!»²²;

(22) Ihm sei **ja** nichts anderes übriggeblieben, sagt Maria Hanika²³.

Позиция этих частиц в структуре предложения также несвободна: они не могут занимать позицию в начале предложения (**Же он денег не берет. *Ja sei ihm nichts anderes übriggeblieben*), что объясняется сильной степенью проявления их грамматикализованности.

Таким образом, внутренняя перспектива в системе частей речи в структуре предложения проявляется в их дейктичности и в способе интерпретации связей между событиями, что, в свою очередь, влияет на их позицию в структуре предложения.

ТРЕТИЙ УРОВЕНЬ СИСТЕМЫ: ЧАСТИ РЕЧИ В СТРУКТУРЕ ТЕКСТА

К частям речи в структуре текста можно отнести дискурсивные слова, дискурсивные частицы, союзы и союзные слова, соединяющие не части предложения, а предложения в тексте. В целом ряде случаев части речи в структуре предложения функционируют как части речи в структуре текста.

Частицы и некоторые союзы не только служат для соединения частей предложения, но и участвуют в создании когерентности текста, сравним:

(23) *Wir hatten nie den Eindruck, dass er mittellos sei, was tatsächlich ja der Fall war. Er lag uns, wie man sagt, auf der Tasche. Wir hatten **ja** Geld*²⁴.

В (23) использование модальной частицы *ja* в последнем предложении служит для его соединения с предыдущим: на уровне микротемы находят реализацию каузальные отношения. Свойством частиц как многоплановых дейктиков является их способность соединять не части предложения, а предложения или даже микротемы в составе целостного текста. Так, если мы рассмотрим следующее высказывание, увидим, что частицы *же* и *вот и* скрепляют предложения в высказывании: на уровне микротемы они участвуют в передаче каузальных отношений:

(24) *Но в искусстве, как в солдатской бане, – пустых скамеек не бывает! **Вот и** поёт где-то вместо Сергея Митрофановича безголоный, тугой на ухо человек. Он **же** всё, что не трудом добыто, ценить не научен...*²⁵.

Коннекторные свойства частиц можно объяснить с позиции коммуникативного членения высказывания: как правило, частицы предшествуют новой информации, предваряя рему и следуя за уже известной информацией. В

²² Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.11.2022).

²³ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.11.2022).

²⁴ Timm U. Johannisnacht. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1998. 235 p.

²⁵ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.11.2022).

микротексте имеют место предложения, содержащие только новое, – частица, предшествуя реме, «скрепляет» её с темой предыдущего предложения. Если соответствующую частицу или коннектор нельзя опустить без ущерба для интерпретации логических связей, возникающих на уровне микротекста, речь идёт о грамматикализованных элементах языковой системы, что отражено в параметрах грамматикализации.

Дискурсивные маркеры, исследованию которых посвящено немало работ ([6; 8]), отличаются от модальных частиц и коннекторов, создающих каузальные, условные, временные и другие отношения на уровне микротемы. Этот класс разнороден и может включать в себя слова, лишённые семантики и образованные от наречий, союзов, модальных частиц, императивных конструкций и т. д. Как справедливо отмечает В. Имо [16], довольно сложно дать полное описание класса дискурсивных частиц и данный вопрос пока не решён. Дискурсивные частицы являются не грамматикализованными, а прагматикализованными элементами. Р. Мрочински выделяет следующие критерии прагматикализации: нерегулярность; ограничения на синтаксическое передвижение; потерю семантики; увеличение скопуса, или сферы действия дискурсивного маркера. К этим критериям причисляется ещё один, который можно назвать определяющим: дискурсивные маркеры можно опустить без ущерба для содержания высказывания [23] – данное свойство отличает прагматикализованные элементы от грамматикализованных. Так, если проанализировать следующие фрагменты, мы увидим, что дискурсивные показатели выполняют функцию указания на какой-либо аспект проблемы (25) и (26), маркируют переход от одной микротемы к другой (27):

(25) *Mancher von Ihnen mag sagen: Wir halten doch **jetzt** schon mehr als zwei Wochen all diese Regeln ein, wie lange denn noch?*²⁶

В приведённом примере слово *jetzt* выполняет функцию дискурсивной частицы: она использована для того, чтобы обратить внимание на значимую в содержательном плане информацию, а не для выражения значения «теперь», «сейчас».

(26) – *Именно, – кивнула она. – **Видишь ли**, профессия – это угол зрения*²⁷.

В (26) сочетание глагола *видеть* с частицей *ли* можно рассматривать как дискурсивный маркер – речь идёт не о визуальном восприятии, а об указании на значимое для говорящего обстоятельство.

(27) *Wie schnell – möglichst nach wenigen Tagen – bekommt man ihn in einen neuen Job, **und** was passiert in der Zwischenzeit?*²⁸

²⁶ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.11.2022).

²⁷ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.11.2022).

²⁸ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.11.2022).

В (27) союз *und* в функции дискурсивного маркера служит для переключения на другую микротему.

Таким образом, части речи на уровне текста могут включать в себя грамматикализованные и прагматикализованные элементы. В первом случае речь идёт о коннекторах и модальных частицах, соединяющих предложения в единое тематическое целое и создающих логические связи между высказываниями. Во втором случае при использовании дискурсивных слов возникают отношения иного рода: маркируется переход от одной микротемы к другой или выделяется значимый аспект высказывания. Опускание дискурсивных слов не влияет на смысл фрагмента, в то время как грамматикализованные показатели влияют на понимание логических связей между описываемыми ситуациями.

В систематизированном виде интерпретация частей речи с позиции внутренней перспективы представлена в таблице 1.

Таблица 1 / Table 1

Проявление внутренней перспективы в системе частей речи /
Manifestation of internal perspective in the system of parts of speech

Уровень репрезентации частей речи	Части речи	Реализация внутренней перспективы
Знаменательные части речи	Имя существительное	· Восприятие какого-либо явления действительности как субстанции (<i>das Aber, das Rennen</i> (нем.), <i>бег, белизна</i> (рус.)) · Выбор соответствующей формы из класса (<i>das Gestein – der Stein</i> (нем.); <i>вода – воды</i> (рус.))
	Глагол	· Восприятие какого-либо явления мира как действия (<i>leeren</i> (нем.), <i>полнет</i> (рус.)) · Выбор соответствующей аспектуальной формы (<i>приходить-прийти; essen-aufessen</i>); выбор временной формы и формы наклонения
	Имя прилагательное	· Восприятие какого-либо явления как качества/свойства (<i>голубой, синий</i>); · Выбор соответствующей грамматической формы (<i>самый сильный, самый веселый</i>)
	Наречие	· Восприятие какого-либо явления как образа действия (<i>быстро, вприпрыжку</i>); · Локальный или темпоральный дейксис (указание на время или место (<i>завтра</i>), осуществляемое с позиции говорящего);

Уровень репрезентации частей речи	Части речи	Реализация внутренней перспективы
Знаменательные части речи	Местоимение	- Персональный дейксис: указание на участников коммуникативной ситуации с позиции говорящего (<i>ты, вы</i>); - Предметный дейксис: указание на объекты действительности с позиции говорящего (<i>он, они</i>)
	Союзы	Интерпретация смысловых связей между событиями (фактами) в предложении с позиции говорящего
Части речи в структуре предложения	Модальные слова	Оценка степени вероятности ситуации с позиции говорящего
	Частицы (модальные, фокусные) (рус.), (нем.) Модальные глаголы во вторичном значении (нем.)	- Интерпретация говорящим смысловых связей между событиями - Оценка степени вероятности ситуации с позиции говорящего, указание на источник информации (модальный дейксис)
	Глаголы-связки	Указание на лицо и время (<i>будет.-был (рус.), wir sind brav, wir waren brav (нем.)</i> и т.д.)
Части речи в структуре текста	Союзы-коннекторы	Интерпретация говорящим смысловых связей между событиями
	Модальные частицы	- Интерпретация говорящим смысловых связей между событиями - Оценка степени вероятности ситуации с позиции говорящего, указание на источник информации (модальный дейксис)
	Дискурсивные слова, дискурсивные частицы	- Указание на значимый для говорящего аспект темы; - Переключение на другую микротему

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье была представлена уровневая дифференциация частей речи: знаменательные части речи, части речи в структуре предложения и части речи в структуре текста, а также была показана возможность их интерпретации с позиции внутренней перспективы. Внутренняя перспектива находит выражение: в выборе знаменательной части, отражающей восприятие гово-

рящим какого-либо явления как субстанции, действия или качества; в выборе соответствующей грамматической формы; в указании на лицо, место или время; в интерпретации смысловых связей между событиями в предложении с позиции говорящего, осуществляемой через выбор союза / частицы; а также в оценке степени вероятности ситуации. Знаменательные части речи выполняют номинативную функцию; части речи на уровне предложения являются грамматикализированными, а части речи на уровне текста – грамматикализированными и прагматикализированными элементами. Дейктичность и грамматикализацию можно рассматривать как две стороны одного процесса; дейктичность – это всегда отражение внутренней перспективы говорящего.

В целом можно заключить, что дифференциацию частей речи целесообразно проводить не только с логической, но и с коммуникативной точек зрения. Слова одной части речи способны переходить в разряд другой, и их однозначное соотнесение с каким-либо классом слов можно осуществить только на уровне предложения, а в некоторых случаях – на уровне микро-текста или даже текста.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 06.12.2022

Статья размещена на сайте: 15.02.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В. Г. Теоретическая грамматика немецкого языка. Строй современного немецкого языка. М.: Просвещение, 1986. 336 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Русский язык, 2001. 720 с.
3. Камчатнов А. М., Николина Н. А. Введение в языкознание. М.: Флинта: Наука, 2000. 230 с.
4. Красина М. Н. Дискурсивные частицы/маркеры в обиходно-бытовом дискурсе (на примере немецкого языка) // Филология. 2018. № 5. С. 54–56.
5. Лосев А. Ф. Имя. Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы / сост., общ. ред. А. А. Тахо-Годи. СПб.: Алетейя, 1997. 616 с.
6. Путина О. Н. Пространство функционирования дискурсивных маркеров // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 3. С. 37–44.
7. Русская грамматика. Т. 1 / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 789 с.
8. Шустова С. В., Царенко Н. М. Прагматический потенциал дискурсивных маркеров // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Т. 5. № 4. С. 163–170.

9. Abraham W. Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung // Diewald G., Smirnova E. Modalität und Evidentialität. Trier: Focus, 2011. P. 125–147.
10. Abraham W. Deutsche Syntax im Sprachenvergleich. Grundlegung einer typologischen Syntax im Deutschen. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2013. 658 p.
11. Admoni W. G. Die «Feld»-Natur der Wortarten (am Beispiel der Numeralien) // Admoni W. G. Sprachtheorie und deutsche Grammatik. Aufsätze aus den Jahren 1949–1975. Tübingen: Niemeyer, 2002. P. 311–318.
12. Averina A. Nebensätze des Deutschen und des Russischen aus der Sicht ihrer Modalisierung: Tiefenstruktur und Semantik // Sprachwissenschaft. 2020. Bd. 45. № 4. P. 425–471.
13. Diewald G. Deixis und Textsorten im Deutschen. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1991. 435 p.
14. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Berlin: Langenscheidt, 2001. 654 p.
15. Hentschel E., Weydt H. Handbuch der deutschen Grammatik. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2021. 506 p.
16. Imo W. Diskursmarker im gesprochenen und im geschriebenen Deutsch // Diskursmarker im Deutschen. Reflexionen und Analysen. Göttingen: Verlag für Gesprächsforschung, 2017. P. 49–72.
17. Kotin M. L. Die Sprache in statu movendi. Bd. 2. Heidelberg: Winter Verlag, 2007. 377 p.
18. Kotin M. L. Konnektoren als prototypische Tempusmarker // Ferraresi G. Konnektoren im Deutschen und im Sprachvergleich. Beschreibung und grammatische Analyse. Narr: Tübingen, 2011. P. 311–324.
19. Lehmann Chr. Thoughts on Grammaticalization. Erfurt, 2002. 183 p.
20. Leiss E. Sprachphilosophie. Berlin: Walter de Gruyter, 2009. 310 p.
21. Leiss E. Lexikalische versus grammatische Epistemizität und Evidentialität: Plädoyer für eine klare Trennung von Lexikon und Grammatik // Diewald G., Smirnova E. Modalität und Evidentialität. Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 2011. P. 149–169.
22. Moskalskaja O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. M.: Академия, 2004. 352 с.
23. Mroczynski R. Grammatikalisierung und Pragmatikalisierung. Zur Herausbildung der Diskursmarker wobei, weil und ja in gesprochenem Deutsch. Narr: Tübingen, 2012. 254 p.
24. Szczepaniak R. Grammatikalisierung im Deutschen. Eine Einführung. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag GmbH, 2011. 233 p.

REFERENCES

1. Admoni V. G. *Teoreticheskaya grammatika nemetskogo yazyka. Stroi sovremennogo nemetskogo yazyka* [Theoretical grammar of the German language. The structure of the modern German language]. Moscow, Prosveshenie Publ., 1986. 336 p.

2. Vinogradov V. V. *Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian language (Grammatical doctrine of the word)]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2001. 720 p.
3. Kamchatnov A. M., Nikolina N. A. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2000. 230 p.
4. Krasina M. N. [Discursive particles/markers in colloquial discourse (on the example of the German language)]. In: *Filologiya* [Philology], 2018, no. 5, pp. 54–56.
5. Losev A. F. *Imya. Izbrannye raboty, perevody, besedy, issledovaniya, arkhivnye materialy* [Name. Selected works, translations, conversations, studies, archival materials]. St. Petersburg: Aleteya Publ., 1997. 616 p.
6. Putina O. N. [Space of discursive markers]. In: *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal], 2021, no. 3, pp. 37–44.
7. Shvedova N. Yu., ed. *Russkaya grammatika. T. 1* [Russian grammar. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 789 p.
8. Shustova S. V., Tsarenko N. M. [Pragmatic potential of discourse markers]. In: *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 2019, vol. 5, no. 4, pp. 163–170.
9. Abraham W. Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung. In: Diewald G., Smirnova E. *Modalität und Evidentialität*. Trier, Focus, 2011, pp 125–147.
10. Abraham W. Deutsche Syntax im Sprachenvergleich. Grundlegung einer typologischen Syntax im Deutschen. Tübingen, Stauffenburg Verlag, 2013. 658 p.
11. Admoni W. G. Die «Feld»-Natur der Wortarten (am Beispiel der Numeralien). In: Admoni W. G. *Sprachtheorie und deutsche Grammatik. Aufsätze aus den Jahren 1949–1975*. Tübingen, Niemeyer, 2002, pp. 311–318.
12. Averina A. Nebensätze des Deutschen und des Russischen aus der Sicht ihrer Modalisierung: Tiefenstruktur und Semantik. In: *Sprachwissenschaft*, 2020, vol. 45, no. 4, pp. 425–471.
13. Diewald G. Deixis und Textsorten im Deutschen. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 1991. 435 p.
14. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Berlin, Langenscheidt, 2001. 654 p.
15. Hentschel E., Weydt H. Handbuch der deutschen Grammatik. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2021. 506 p.
16. Imo W. Diskursmarker im gesprochenen und im geschriebenen Deutsch. In: *Diskursmarker im Deutschen. Reflexionen und Analysen*. Göttingen, Verlag für Gesprächsforschung, 2017, pp. 49–72.
17. Kotin M. L. Die Sprache in statu movendi. Bd. 2. Heidelberg, Winter Verlag, 2007. 377 p.
18. Kotin M. L. Konnektoren als prototypische Tempusmarker. In: Ferraresi G. *Konnektoren im Deutschen und im Sprachvergleich. Beschreibung und grammatische Analyse*. Narr, Tübingen, 2011, pp. 311–324.
19. Lehmann Chr. Thoughts on Grammaticalization. Erfurt, 2002. 183 p.
20. Leiss E. Sprachphilosophie. Berlin, Walter de Gruyter, 2009. 310 p.

21. Leiss E. Lexikalische versus grammatische Epistemizität und Evidentialität: Plädoyer für eine klare Trennung von Lexikon und Grammatik. In: Die-wald G., Smirnova E. *Modalität und Evidentialität*. Trier, Wissenschaftlicher Verlag, 2011, pp. 149–169.
22. Moskalskaja O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Moscow, Academia Publ., 2004. 352 p.
23. Mroczynski R. Grammatikalisierung und Pragmatikalisierung. Zur Heraus-bildung der Diskursmarker *wobei*, *weil* und *ja* in gesprochenem Deutsch. Narr, Tübingen, 2012. 254 p.
24. Szczepaniak R. Grammatikalisierung im Deutschen. Eine Einführung. Tübingen, Narr Francke Attempto Verlag GmbH, 2011. 233 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Аверина Анна Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафе-дры германской филологии Московского государственного областного педагогическо-го университета; e-mail: Anna.averina@list.ru

Anna V. Averina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of German philology, Moscow Region Pedagogical State University; e-mail: Anna.averina@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Аверина А. В. Принципы организации системы частей речи и их интерпретация с по-зиции внутренней перспективы (на материале немецкого и русского языков) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2023. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Averina A. V. Principles of the organization of the system of parts of speech and their interpre- tation from an internal perspective (based on the material of German and Russian). In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2023, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru